

**НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ (из воспоминаний жителей Урала)**

Неожиданная весть о нападении фашистской Германии на нашу страну и начале войны глубоко потрясла людей, вызвала тревогу за судьбу Родины. По указанию партийных органов на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, воинских частях проводились митинги и собрания. Но и в такой момент патриотизм и чувство долга перед Родиной зачастую уживались с благодушием и беспечностью. Предвоенная пропаганда постаралась воспитать в народе уверенность в превосходстве Красной армии: «Красная армия всех сильнее»; «Малой кровью на чужой территории победим врага». Вначале почти никто не сомневался, что понадобится всего-навсего каких-нибудь три-четыре недели для того, чтобы враг был разбит. Вспоминал Генерал К. Ф. Телегин, служивший тогда в управлении политпропаганды пограничных войск СССР, все «с нетерпением ждали с границы сообщений, что враг не прошел, а там, где прорвался, разгромлен и отброшен назад» [1, с. 119]. По словам участника войны В. П. Седова, «Мы боялись, что война закончится без нас, что мы не успеваем повоевать» [2].

Войну ждали, и в то же время для многих людей она была неожиданной. Это объясняется во многом тем, что 14 июня 1941 г. в советских газетах было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором опровергались появившиеся в западной печати слухи о предстоящей войне и утверждалось, что «Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского договора о ненападении, как и Советский Союз», ввиду чего, «по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Со стороны СССР это была попытка дипломатическим путем умиротворить Гитлера, чтобы избежать войны в 1941 г. и оттянуть ее начало хотя бы до 1942 г., поскольку Сталин как никто другой понимал, что страна еще не готова воевать. Израильский историк Г. Городецкий называет эту политику Сталина «роковым самообманом» [3]. После выхода Сообщения ТАСС у людей появилась надежда, что войны не будет, если об этом заявляет правительство. В своем дневнике студентка Ленин-

градского горного института М. Д. Ярушок написала: «Окончен второй курс. 1941 г. 15 июня уехала на учебную практику в Кривой Рог... 22 июня рано утром прозвучал по радио сигнал тревоги. Мы очень удивились, думали – с чего бы это проводить учение? Нет, война. И с кем? С Германией! Вот так договор о ненападении!» [4, с. 104]. Из письма Шамгулова Фаттаха из Кугарчинского района Башкирской АССР, будущего Героя Советского Союза, погибшего 18 апреля 1945 г. (он был мобилизован в 1940 г., а 22 июня 1941 г. он писал письмо домой, когда В. Молотов объявил о нападении фашистской Германии на Советский Союз): «Война, которую мы ждали, началась. Это будет большая война <...> Победа будет за нами!» [5, с. 20–21]. На вопрос о начале войны многие опрошенные отвечали: «Неожиданно, мы почти ни о чем не знали, телевизоров не было. Конечно, ходили разговоры о войне, но наступление ее было все же неожиданным» [6]. «На улице по радио объявили, что началась война. Все бежали, плакали и кричали: “Война! Война!”» [7]. По воспоминаниям шестнадцатилетней студентки Чкаловского (Оренбургского) медицинского железнодорожного техникума А. П. Гончаровой: «Я утром проснулась, чтобы идти в техникум, и тут по радио объявил Левитан – Внимание, внимание.... И все забегали, через каждый час объявляли ... паника, шум – никто не мог поверить. Сознательность была массовая, тут же все толпами ринулись в военкомат, через 4 часа после объявления очередь в военкомат была на полквартала, и парни и девушки все шли на фронт» [8]. «21 июня в субботу проводили время за городом – на выходных выбрались на природу. Когда вернулись на следующий день – узнали о начале войны по радио. Папа сразу пошел на призывной пункт, но его не взяли на фронт из-за брони, наложенной на работников оборонной промышленности. Завод ПРМЗ-11 “Красный партизан”, директором которого был А. З. Блинников, выпускал колодки и “башмаки” для поездов» (из воспоминаний его дочери Нины, которой к началу войны было 4 года) [9]. «Первый день войны был как гром среди ясного неба. Люди села собрались группами и со слезами на глазах обсуждали это страшное сообщение. Жизнь как будто остановилась» [10].

В отдаленных селах о начале войны узнали немного позже. Об этом свидетельствуют детские воспоминания Д. Ф. Рахматуллиной: «О начале войны узнали 23 июня в 9 часов утра. Руководители села собрали митинг в клубе и оповестили о начале войны» [11]. «О начале войны мы узнали не сразу, деревня наша глухая была. Узнали, когда папу забирали на фронт. Как сейчас помню, как собирали его всей семьей, вещи, еду. Много кого из мужчин в тот день забрали на фронт. Но как сейчас помню фразу, которую сказал папа плачущей маме и бабушке: “Не плачьте, не пугайте детей. Свидимся, дай Бог еще”. Помню, как поцеловал нас с сестрой и уехал» [12].

В тот же день Президиум Верховного Совета СССР принял указ о введении в ряде республик и областей страны военного положения и о мобилизации военнообязанных граждан 1905–1918 годов рождения, а в августе вышло постановление ГКО о мобилизации мужчин 1890–1904 годов рожде-

ния и призывников 1922–1923 годов рождения (всего за годы войны призваны военнообязанные 1890–1927 годов рождения, т.е. 38 возрастов) [13, с. 168].

Вместе со всей страной на защиту своей Отчизны встало 13-миллионное население Уральского региона. По всем городам, поселкам и селам прошли многотысячные митинги, где выступавшие заявляли о своей готовности защищать Родину. В Оренбурге на митингах 22 и 23 июня участвовало свыше 100 тысяч человек. В Свердловске к полуночи первого дня войны были проведены митинги на всех промышленных предприятиях [14, с. 20].

В Саткинском районе Челябинской области 22–23 июня прошло 270 митингов, на которых выступило 987 человек [15, с. 61].

С первых дней войны развернулось массовое добровольческое движение. В военкоматы поступали десятки тысяч заявлений. В Чкаловской (Оренбургской) области только 23 июня подано свыше 8 тыс. заявлений, в Молотовской (Пермской) области за первые две недели войны – более 30 тыс., из них 7 тыс. от женщин [14, с. 20]. Газета «Правда» 24 июня 1941 г. писала: «Вчера утром до начала работы и днем во время обеденных перерывов на всех предприятиях и в учреждениях города Чкалова проходили митинги. На шорно-сидельной фабрике митинг состоялся утром перед началом работы. Выступавшие с чувством негодования говорили о нападении фашистов и обещали всемерно помогать Красной Армии в борьбе с немецкими оккупантами». В Уфе только за два дня после начала войны поступило около 2 тыс. заявлений от добровольцев. За первые две недели войны изъявили желание выехать на фронт: в Белорецке и Тирляне – более 1 тыс., в Стерлитамаке – 500, в Баймакском районе – 420, Давлекановском – более 300, Кигинском – 150, Альшеевском – более 100 патриотов [16, с. 29].

За первые три дня войны в Магнитогорске подали заявления более 600 добровольцев, в Троицке – 458, в Чебаркульском районе – 214. К 29 июня 1941 г. в военкомат Златоуста поступило 1 091 заявление. Среди добровольцев Челябинской области в эти дни было 13 тыс. юношей и девушек. Сразу после выпускного вечера 52 выпускника школы № 37 Челябинска вместе с директором И.В. Гароном ушли на фронт [17, с. 7].

Потрясает письмо Нигматуллина Хамита Самигулловича, написанное жене и маленькой дочери 22 июня 1941 г. (1920 г.р., проходил срочную военную службу с 1939 г., погиб летом 1941 г., так и не увидев свою дочь, хотя постоянно в своих письмах мечтал об этом): «Сегодня воскресенье. Солнечный теплый день. Никакой работы нет... Это письмо продолжаю после того, как прослушал речь Молотова. Дела ведь очень плохи. Все мои мечты разбились вдребезги. Сейчас задача – либо умрем, либо останемся живы. Но мы должны победить! Будем ли когда-нибудь вместе? Ты наверно надежду уже потеряла. Пока не теряй надежду. Не все ведь погибнут!» [5, с. 109–110]. Через месяц после начала войны в своем письме жене он пишет: «Кто останется в живых после этой войны, мне кажется, он будет жить вечно. Мы находимся в аду. Если даже тело будет истерзано, если

останемся живы, мы имеем право жить вечно. Враг очень силен, особенно в технике. Сражения идут очень сильные. Таких войн никогда не было и не будет». В своем последнем письме в июле он пишет: «Ты мои письма береги. Долгие годы береги!» [5, с. 111–112].

Многие солдатские письма, написанные в первые дни войны, свидетельствуют о том, что люди верили в победу, хотя с тяжелыми боями отступали в глубь страны. Мухамедьяров Хай Габдрафикович ушел на фронт с начала войны, 24 июня в своем письме другу пишет: «На наше поколение выпала доля, для исполнения которой не пожалею своей силы» [5, с. 14–15]. Из первого и последнего письма Сулейманова Закарии Камаловича, написанного 12 июля 1941 г. матери, любимой жене, двоим своим детям: «Всем горячий свой привет посылаю, что касается наших дел, дела очень плохи. Сегодня, 12 июля, в кровавой битве были. До сих пор не верю, как я живым вышел. Многие мои друзья погибли. Мы понесли большие потери. Большие бои прошли. Но мы не растерялись. Не сдались. Стойко будем стоять. Мы будем драться до последней капли крови. Мы знаем, что дороже Родины ничего нет. Мы победим! Без сомнения мы победим. Победа будет за нами» [5, с. 140–141].

Даже молодые люди понимали, что война – это страшное бедствие: «27 июня прибыла в родной, любимый город Ленина... Все мои планы нарушены. Будь проклят тот, кто выдумал эту войну!» (Из дневника студентки горного института М. Д. Ярушок (Арбатской) [4, с. 104]. Об этом свидетельствуют и дневниковые записи ленинградского школьника Юры Рябинкина 1941 г.: «9 и 10 ноября... Я сижу и плачу... Мне ведь только шестнадцать лет! Сволочи, кто накликал всю эту войну..» [4, с. 108].

Люди задавали себе вопросы о причинах отступления: «Почему наши отступают? Лучшие части немцев, судя по информации, разбиты, армии их почти морально разложились, потери их больше наших, они голодают – и все же идут. Идут, как к себе домой и уже недалеко от Ленинграда. У них лучшая техника, но наши самолеты, как говорили, много лучше их... Но где они? А люди-то у нас какие – что ни боец, то герой. Так в чем дело? Я стала похожа на ненормальную, каждое поражение меня чуть в гроб не вгоняет. Все дни только и думаю, как бы попасть на фронт. Но кто возьмет меня с таким зрением?» (дневниковые записи студентки Ленинградского горного института М. Д. Ярушок (Арбатской) 17 августа 1941 г.) [4, с. 104]. Из секретных донесений НКВД видно, что разные были настроения населения и в Архангельской области: «Все говорили, что будем бить врага на его территории. Выходит, наоборот... Наше правительство два года кормило немцев, лучше бы запасло продуктов для своей армии и для народа, а то теперь всех нас ожидает голод». И такие разговоры ходили не только среди рядовых рабочих и колхозников. Так, секретарь парторганизации Архангельского управления связи П. В. Лобанов заявил: «Со стороны нашего правительства были допущены хвастливые речи, что у нас неисчерпаемые запасы всего, что будем бить врага только на его территории, а на деле получается обратное» [4, с. 61].

Проводы на фронт родных и близких остались в памяти у всех. По воспоминаниям подростка войны Е. Ф. Кужман: «В первый день войны в бричку загребли мужчин из нашей деревни и повезли на фронт. Плакали все ... и дети, и старики. Встретить мне довелось только брата Шуру, он воевал в самой Германии, а другой брат Гриша погиб на Дальнем Востоке» [6]. «Беззаботное детство прервалось неожиданно. Мы были мальчишками, по 13 лет мне и моим друзьям, когда мы услышали, что началась война. Мы всем селом провожали; женщины плакали, и нам было не по себе от этого, нас одолевал страх», – вспоминает К. Т. Алиев [18]. «О приближении станций, задолго до их появления, узнавали по вою – то женщины провожали мужчин на фронт. До сих пор жутко вспоминать это...» (из дневника студентки горного института М. Д. Ярушок (Арбатской) [4, с. 104]. В детской памяти Т. Г. Бегмы (Золотаревой) отпечатались проводы отца на фронт: «Проводы на фронт были в райцентре – Ташле. На вокзальной площади было очень много народа. Люди кричали, пели, плакали, пили, надрывались от частушек гармошки. Мать глазами искала в толпе отошедшего куда-то своего мужа Гурьяна. Уже объявили построение, а Гурьяна все не было. Мужчины усаживались на подводы. И в это время появился отец. В его руках были гостиницы: розовое мороженое и розовая погремушка. Ему очень хотелось порадовать своих дочек. Он протянул Тамаре мороженое и сказал: “А игрушку – Але”. И вдруг Тамара расплакалась. Ей тоже хотелось такую же игрушку, как у младшей сестренки. Отец в растерянности неловко обнял жену и дочь и побежал догонять подводу» [19].

Положение усугубляли периодически возникавшие среди населения слухи. Борьба с провокационными, контрреволюционными слухами оставалась в течение всей войны одной из главных задач партийных и особенно правоохранительных органов. Однако преодолеть распространение слухов было непросто. Люди хотели высказаться, поделиться наболевшим, услышать слова поддержки и утешения. Неудачи первого периода войны провоцировали граждан на пораженческие и антисоветские высказывания. В первые дни войны в Чкаловской области с 23 июня по 2 июля 1941 г. арестовали 173 человека, которых обвинили в контрреволюционной агитации. Так, 18 ноября 1941 г. в отдел пропаганды и агитации Чкаловского горкома партии поступила информация о том, что 22 октября на занятиях кружка с домохозяйками на ул. Горького, 21 Ускова высказывала антисоветские идеи: «Нагнали к нам всяких, особенно евреев, которые работать не любят, а теперь нас они обучают. Нас просвещать нечего – 24 года заставляли хлопать в ладоши, говорили, что все хорошо, а прошло 3 месяца, и половины России нет» [20, с. 78–79].

Всем опрошенным респондентам на всю оставшуюся жизнь запомнился День Победы. «Этот день я никогда не забуду. Помню его как сейчас. Мы с мамой были дома, когда по радио передали о Победе, которую мы так долго ждали. Мы сидели и плакали, но это уже были не те слезы, что в войну. Это были слезы радости» [21]. «Помню, что постучала в дверь соседка и крик-

нула: “Победа!” Все кинулись к радио, а потом раскрыли окна и кричали: “Победа! Победа!” Я сняла со своей младшей двоюродной сестры Риммы пионерский галстук и размахивала им в раскрытое окно и кричала: “Победа! Победа!”» [22]. Как вспоминала Принько (Бабина) Ирина Георгиевна, подросток войны: «Мы все шли в школу, моросил небольшой дождь, и по радио передали, что война закончилась. Как мы все радовались. Все не обращали внимание на дождь... Люди выглядывали из окон, а мы с криками побежали на железную дорогу, встречать поезда...» [23]. «Утром ученики пошли в соседнее село Яшкино в школу, а там уже в колокол звонили – война кончилась. Мальчишки прибежали обратно в колхоз и кричали все: “Война кончилась, война кончилась!” У кого жив кто на фронте был, радовались, а у кого погибли, плакали. Да все плакали... Тепло было, дождик моросил... стол накрыли общеколхозный, а утром после Победы опять вышли на работу...стали приходить те, кто выжил, шестеро пришло – калеки в основном, долго не прожили...» [24].

«Я с работы возвратилась домой, а мать плачет, я к ней: “Что случилось мама?” Она мне и ответила, что кончилась война, тогда не говорили, что мы победили или день победы. Говорили “Война кончилась”» [6]. «Как отмечал день Победы? Плакал от радости. И не стыжусь этих слез», – говорил инвалид войны Климов Иван Никитович [25]. «Я спала, было часов 6 утра и тут крик, в окна стучат, я соскочила, думаю, что случилось? И на улицу, а там кто в чем бежит и кричат – война кончилась! Война кончилась! Полураздетые все обнимаются, целуются, все родные. Плакали, было прямо какое-то безумие. Радости не было предела!» [8].

Таким образом, общественная реакция на начало войны была разная, но основная масса населения была патриотично настроена, и толпы молодых людей устремились в военкоматы с просьбой отправить их на фронт добровольцами. Старшее поколение знало, что война будет долгой и страшной. Особенно сильно плакали женщины, провожая своих родных и близких на войну, прекрасно понимая, что многие видят их в последний раз. Чтобы пройти войну от звонка до звонка и вернуться домой живым, надо было быть очень везучим человеком. Дети и подростки сразу повзрослели. Об этом свидетельствуют их воспоминания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хисамутдинова, Р. Р.* Советский Союз накануне и в период Великой Отечественной войны: учеб. пособие к лекционному курсу для исторических факультетов пед. вузов. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2009.
2. Из воспоминаний участника Великой Отечественной войны Седова Виктора Павловича, 1923 г.р., место рождения – с. Ильинское, Селивановский район, Владимирская обл., ушел добровольцем на фронт в декабре 1942 г. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.

3. *Городецкий, Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Г. Городецкий. – М., 1999.
4. Россия, которую мы не знали. 1939–1993: хрестоматия / под ред. проф. М. Е. Главацкого. – Челябинск : Юж-Урал. кн. изд-во, 1995.
5. Письма огненных лет. – Уфа : Китап, 2005.
6. Интервью с Екатериной Федоровной Кужман, 1929 г.р., место рождения – хутор Чулошников, Оренбургский район, Оренбургская обл., ныне проживающей на ст. Чебеньки, Оренбургский район, Оренбургская обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
7. Интервью с Петровой Александрой Антоновной, 1927 г.р., проживавшей в г. Оренбурге в годы войны // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
8. Интервью с Солмановой (Гончаровой) Александрой Павловной, 1925 г.р., место рождения – Одесская обл. с. Сакино, в 1935 семья переехала в Оренбургскую обл. Соль-Илецкий район с. Григорьевка и ныне проживает там // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
9. Воспоминания Александровой (Блинниковой) Нины Александровны, 1934 г.р., жительницы г. Чкалова (Оренбурга) в годы войны // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
10. Воспоминания Емец Владимира Кузьмича, 1930 г.р., проживающий в Чкаловской области // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
11. Воспоминания Рахматуллиной Дины Фазлыахметовны, 1933 г.р., жительницей с. Тукай Оренбургского района Чкаловской (Оренбургской) обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
12. Воспоминания Хохловой Дины Михайловны, 1938 г.р., проживавшей в годы войны и ныне жительницы Оренбургского района, Чкаловской (Оренбургской) обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
13. *Хисамутдинова, Р. Р.* Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945 годы): военно-исторические очерки / Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014.
14. Урал – фронту /под ред. А. В. Митрофановой. – М. : Экономика, 1985.
15. Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне: сб. док. и материалов. – Челябинск, 1981.
16. *Ахмадиев, Т. Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / Т. Х. Ахмадиев. – Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1984.
17. *Павленко, В. Д.* Огненный рубеж фронта и тыла / В. Д. Павленко, Г. К. Павленко. – Челябинск, 2005.
18. Интервью с Алиевым Калием Тажбановичем, 1928 г.р., в годы войны проживавшим в с. Донское (ныне Троицк) Соль-Илецкого района Оренбургской обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
19. Интервью с Бегма (Золотаревой) Тamarой Гурьевной, 1937 г.р., проживавшей в годы войны в пос. Калинин Ташлинского района Оренбургской обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
20. *Блинова В. В.* Великая Отечественная война и органы НКВД Южного Урала / В. В. Блинова, Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2007.

21. Интервью с Дмитриевым Павлом Ивановичем, 1931 г.р., проживавшим в годы войны в пос. Шар Александровского района Чкаловской обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
22. Интервью с Савельевой Валентиной Федоровной, 1927 г.р. – жительницей г. Оренбурга, проживавшей в годы войны в с. Грачевка Чкаловской обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
23. Интервью с Принько (Бабиной) Ириной Георгиевной, 1931 г.р., проживавшей в п. Акбулак Акбулакского района Оренбургской обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
24. Интервью с Анохиной (Кутиловой) Анной Васильевной, 1929 г.р., жившей в годы войны в пос. Дрыгин-Сад, Красногвардейский район, Оренбургская (Чкаловская) обл., ныне проживает в с. Толкаевка Сорочинского района Оренбургской обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
25. Интервью с Климовым Иваном Никитовичем, 1912 г.р., участником Великой Отечественной войны // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.